

Иллюстрации А. Иткина

ГЛАВА I

...Есть наслажденье в бездорожных чашах,
Отрада есть на горной крутизне,
Мелодия — в прибое волн кипящих,
И голоса — в пустынной тишине.
Людей люблю — природа ближе мне,
И то, чем был, и то, к чему иду я,
Я забываю с ней наедине.
В своей душе весь мир огромный чую,
Ни выразить, ни скрыть то чувство не могу я.

Байрон. Чайльд Гарольд*

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живёт на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на неё отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период этот кажется далёким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение нации к эпохе столь отдалённой, что она как бы теряется во мгле времён. А между тем четырёх жизней средней продолжительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий всё, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырёх самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской Конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым

---

* Перевод В. В. Левика.

и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие посёлки на восточных берегах Гудзона, как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покипси, не считались недоступными для нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани, ещё до сих пор сохранилась резиденция младшей ветви Ван-Ренселеров — крепость с бойницами, сделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне славятся истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этом повествовании, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона, от устья до водопадов вблизи верховья, да несколько соседних областей по рекам Мохоку и Скохари. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простирались далеко в глубь Новой Англии, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полёта на всю область к востоку от Миссисипи, взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймлённое близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озёрами и пересечённое извиляющимися лентами рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное

изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времён года остаётся неизменным. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку благороднейшую возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогрело своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылаюло своё тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем слышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зелёный покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся, видимо, частично от опустошений, произведённых ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворový пёс, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок своё оружие и истрёпанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце.

Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы ещё раз собьёмся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю «охотники за землёй»^{*}.

Гляди: вот сухие ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нём, чтобы знать, когда наступает полдень: моё брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии^{**}, и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех посёлках, разбросанных между британскими владениями и Канадой. Шести футов четырёх дюймов росту, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было добродушно и красиво. Держался он очень непринуждённо, и, хотя суровая простота пограничного

---

^{*} «Охотниками за землёй» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землёй» вырубал и выжигал на ней лес и распахивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, ещё не истощённых посевами земель.

^{**} Колония — здесь: Олбани.

быта неизбежно сказывалась в его обхождении, величаявая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища, и по внешности и по характеру был совсем иного склада. Около шести футов росту, он выглядел сравнительно худым и тщедушным, но его мускулы обличали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную силу. Его молодое лицо нельзя было назвать особенно красивым, и только выражением своим оно подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть в него более внимательно. Выражение это, свидетельствовавшее о простосердечии, безусловной правдивости, твёрдости характера и искренности чувств, было поистине замечательно. Сначала даже могло показаться, что за простодушностью скрывается затаённая хитрость, однако при ближайшем знакомстве это подозрение тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были ещё очень молоды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть — двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Одежда их не заслуживает особого упоминания; надо только заметить, что она была сшита главным образом из оленьих шкур — явный признак того, что её владельцы проводили жизнь в бескрайних лесах, на рубеже цивилизованного общества. Тем не менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о некотором щегольстве, особенно заметная в оружии и во всём охотничьем снаряжении. Его ружьё находилось в полной исправности, рукоять охотничьего ножа была покрыта изящной резьбой, роговая пороховница украшена подобающими эмблемами и насечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом*.

Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности, или из тайного сознания, что его наружность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим своё презрение ко всяким побрякушкам, и это безыскусное пренебрежение скорее даже усиливало необычайность впечатления, производимого благородством его обличья и осанки.

---

* Вампум — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса или перевязи заменял документы в общественных делах индейцев.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары!* — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьём.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много надо мужества, чтобы убить лань, да ещё не в пору охоты. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, ещё не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. — Иначе проклятые бродяги минги** не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьёзно Зверобой, который мог быть таким же надёжным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью, сговорами и кривотолками. Я прожил с делаварами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе спустить курок, когда твой враг целился в тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием побахвалиться и честностью. Чувства эти отразились на его

---

* Делавары, или ленни-ленапе, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII–XVIII веках долину Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племён, борющийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

** Минги — так презрительно называли делавары гуронов, или вейандотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племён, живших в XVII–XVIII веках по берегам озёр Онтарио и Гурона и реки Святого Лаврентия. Гуроны вели длительную борьбу с делаварами. Во время англо-французских войн они поддерживали французов.

простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делававы жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шкуры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить судей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер* Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь ружьём и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает ещё одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

— Ай, ай, всё это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идёт о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приёмами. К тому же — у нас теперь законная, как ты говоришь, война; чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдёшь зверя немного повыше четырёх футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который ещё не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делавава в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

— У невысокого утёса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать союзы и закапывать

---

* Траппером называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

в землю свои боевые топоры. Об этом утёсе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утёс совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могикане*: в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообща»! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том — Хаттер. По праву пятнадцатилетнего беспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа, за исключением Господа Бога, не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый. По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Поводками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Тогда он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

---

* Могикане — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могикане входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.